

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ПОЭЗИИ ДЕСМОНДА ИГАНА

© 2006 А.Л. Савченко

Воронежский государственный университет

Стало уже общим местом, размышляя о национальной идентичности, говорить о том, что в век глобализации, когда интенсифицируются экономические, политические и культурные связи, вопрос сохранения национальной специфики и национальных особенностей приобретает особое значение. Известно также, что малые нации, такие, как, например, ирландская, придают национальному своеобразию, проявляющемуся во многих сферах культуры и жизни, большее значение.

Особенно показательным в этом плане представляется творчество современного ирландского поэта Десмонда Игана (род. 1936). Его многогранная и разносторонняя деятельность поэта (он выпустил 15 стихотворных сборников), переводчика на английский язык Еврипида (“Медея”, 1991) и Софокла (“Филоклет”, 1996), автора литературоведческого труда “Смерть метафоры” (1990) принесла ему известность в европейских странах, Японии и США, а также обеспечила достойное место в литературном мире.

Творчество поэта являлось и является объектом исследования литературоведов как у него на родине, так и за ее пределами. О нем писали ирландский профессор Б. Аркинс, монография которого “Десмонд Иган. Критическое исследование” (1992) получила высокую оценку в научной среде; хорошо известен и фундаментальный труд профессора из США Х. Кеннера о Д. Игане “Иган: поэт и его творчество” (1990), не говоря уже о множестве критических статей, эссе и предисловий к сборникам стихов в разных странах.

Среди различных проблем, интерпретируемых учеными, одной из самых значительных является проблема национальной идентичности и соотношения национального и общечеловеческого в его поэзии. Исследователи акцентируют мысль о том, насколько важным в ирландской литературе вообще и в поэзии Д. Игана в частности является уточнение языка, на котором творит тот или иной автор. Дело в том, что на протя-

жении многовековой истории Ирландии в ней существовали гэльский, то есть исконно ирландский, и английский языки. Гэльский живет и до сих пор, не являясь языком разговорным, хотя он и известен многим образованным ирландцам. В настоящее время он больше изучается в специальных детских летних школах, чем в обычных. Тем не менее, он оказывает влияние на английский язык, используемый в Ирландии. В этом английском обнаруживаются заимствованные из гэльского грамматические и синтаксические конструкции, а также лексические средства. Все это обогатило так называемый “ирландский английский”, а литературная английская традиция на ирландской земле дополнилась такими чертами гэльского происхождения, как гибкость и богатство языка, обусловленные большими экспрессивными возможностями гэльской грамматики, лексики и синтаксиса, а также лаконичностью и простотой, приближенной к разговорной речи, которая, в свою очередь, теснейшим образом связана с устным народным творчеством.

В творчестве Д. Игана легко обнаруживается чисто ирландское своеобразие, то, что сам поэт назвал “our brief pastry” (“наша неброская поэзия”) [1, 85], т. е. лаконичность и внутренняя напряженность формы, огромное эмоциональное влияние на читателя в сочетании с небольшим количеством художественных приемов.

Стихотворный сборник “Песнь о моем отце” (1989) представляет собой *sequence* (буквальный перевод – “последовательность”). Этот термин, распространенный в англоязычной поэзии, у Д. Игана обозначает “последовательность стихотворений, каждое из которых создает отдельный, обычно весьма зримый образ, напоминающий по своей пластической убедительности кинокадр” [2, 9]. Взятые вместе, они составляют четко выстроенный ряд, но читать их можно в каком угодно порядке. Кроме этого, поэт снабжает девять из восемнадцати стихотворений сборника вспомогательным текстом (*sub-text*), поме-

шая его рядом с основным, но выделяя курсивом. Так ему удастся добиться реализации двух задач: представить читателю образ своего отца Томаса Игана и показать, как много он для него значил. В сборнике есть своеобразное обрамление: I стихотворение запечатлевает отца живым и здравствующим, а XVIII представляет собой эпитафию на могиле Томаса Игана. Как точно подмечает Б. Аркинс, “основной нарративный прием в sequence — противопоставление прошедшего и настоящего времени” [3, 47]. Своеобразная перебивка временных пластов в числе прочих приемов позволяет Д. Игану исследовать сложность и духовного мира отца, и окружающей его и его семью действительности.

Первое стихотворение (I) “Смотрю на фотографию” напоминает импрессионистскую зарисовку и воспроизводит семейный обед на открытом воздухе, в саду. На фотографии изображен отец “у теплицы в рубашке с короткими рукавами”, Кейт (дочь поэта) с желтыми розами в руках, мать, что-то говорившая ей,

*изгородь из бирючины... — весьма живописна
кукла лежит освещенная —
теперь уже навсегда — солнцем [1, 19]*

Поэту кажется, что он чувствует запах обеда, видит складные стол и стулья. Д. Иган вспоминает обычную, ничем не примечательную семейную сцену; он перечисляет предметы, которые всплыли у него в памяти, но такова сила его воспоминаний, что именно кукла, освещенная солнцем, связывает прошлое сначала с настоящим (моментом воспоминания поэта), а затем (“теперь уже навсегда”) — с вечностью. В стихотворении подчеркивается важность наличия таких необходимых во все времена составляющих счастья и благополучия человека, как семья, в которой живы и родители, и дети.

Поскольку “вечная повседневность” представляет для Д. Игана счастливое прошлое, оно и остается запечатленным в стихотворении как в стоп-кадре.

Но идилически безмятежная и умиротворяющая сцена из стихотворения I сменяется так же беспощадно и сурово, как в жизни, картиной из другого временного пласта: в больнице, в палате интенсивной терапии умирает Том Иган, и кардиограф беспристрастно фиксирует изменения в работе его сердца. Вся семья

*боялась смотреть
и не смотреть на аппарат,*

а жизнь отца

ускользала из-под контроля врачей [5, 152]

И этот мучительный процесс борьбы за жизнь Томаса Игана и его страдания продолжались до тех пор,

*когда в среду 17 апреля
в 9.20 утра
последнее биение его сердца на мониторе
не истончилось до такой степени
что превратилось в тонкую нить
и дало последний толчок
прежде чем медсестра
выключила аппарат [5, 154]*

В этих двух, как и во многих других стихах sequence, можно обнаружить элементы, свойственные синтаксису гэльского языка: отсутствие вспомогательного глагола (“*my father in shirtsleeves*”), эллипсис.

*holding that hand
gone gaunt now sunken as his eyes
vulnerable as his father's hand
protecting him in a Communion portrait
still hanging near the desk and books
in my old room [5, 152]*

В стихотворении III “Проснувшись когда смолкли позывные радио” поэт дает еще одну бытовую зарисовку, в то же время наполняя ее значение иным содержанием.

В написанный на английском языке текст он вводит строчку из ирландской народной песни на гэльском:

*он мой защитник, моя надежда, мой герой
[1, 21]*

Затем, повторяя слова “мой защитник, мой герой”, делает их лейтмотивными. Согласно замыслу Д. Игана, именно эта строка из народной песни связывает его отца с родной страной, вызывает у читателя ассоциацию с чем-то исконно ирландским.

Искусное расположение строчек стихотворения также указывает на “ирландскость” поэта:

*and in that instant just there I re
alized it how valiant his life its shape
now almost completed [1, 20]*

Обращает на себя внимание “разорванность” глагола realize: первый слог “re” оставлен на одной строке, а “alized” перенесено на следующую. Возникает вопрос о необходимости и обоснованности этого переноса. Видимо, “I” с последую-

щим “ge” воспринимается как “airí”, т. е. почти как “Irish”, и сразу же возникает образ героического прошлого Ирландии, а Том Иган, удаляясь от всех по метафизической дороге, становится как бы одним из героев этого прошлого.

Поэт подчеркивает вдруг открывшуюся ему правду об отце:

*как много героического в его жизни которая
ныне почти завершена [1, 21]*

Эта правда наполняет его сердце гордостью, а отец, как ясно из стихотворения, является для него эталоном. Д. Иган находит для отца прекрасные слова в основном тексте (а в стихотворении III sequence мы имеем дело с двойным текстом):

*и в тот же день в больнице
в интенсивной терапии где он умирал
я поцеловал своего отца впервые
с тех пор как вырос
из коротких штанишек [1, 21]*

Во вспомогательном тексте он выражает свою любовь к отцу в иной форме, сравнивая ее с ирландской рекой Шеннон во время половодья:

*чувства как реки
подчиняются своим
законам
могут уйти под землю
а иногда как Шеннон выйти из берегов [1, 21]*

Хотя в VI, IX, XII и XIV стихотворениях цикла, посвященного отцу, Томас Иган запечатлен в период его последней, трагически окончившейся болезни, в них высвечиваются, как будто вспышкой фотоаппарата, те моменты прошлого, когда отец и сын наслаждались жизнью, здоровье отца не вызывало опасений и все были счастливы. В основном тексте IV стихотворения поэт видит себя четырехлетним мальчиком и отца, говорящего о чем-то с матерью, в то время как вспомогательный текст переносит Десмонда Игана в больницу, где страдают обреченные на смерть пациенты. В XII стихотворении описывается последняя совместная поездка на автомобиле отца и сына домой, в Атлон — родной город поэта. Дорога знакома сыну с детства, т. к. отец не раз возил его по ней. Воспоминания поэта о прошлом строятся по ассоциативному принципу: вот какое-то место на дороге напомнило ему о том, как отец с матерью везут его в колледж Св. Финиана, вот другой населенный пункт воскрешает в его памяти поездку в Луанавэлли и т. п., а в момент повествования:

*сейчас я был водителем
и наше путешествие
все продолжалось и продолжалось
наполняясь воспоминаниями
которые превращались в годы
а мы оставляли их
позади себя на дороге [5, 162]*

Автору стихотворения прекрасно удается создать визуальную картину движущегося автомобиля и двух его пассажиров с помощью тщательного выбора лексики и повторов глагола “to run” и предлога “with”.

Воссоздано и настроение отца и сына: оба прекрасно осознают опасность, грозящую здоровью Томаса Игана, но “в лучших ирландских традициях” разговаривают о пустяках. Отец рассмеялся, когда, проезжая мимо кладбища, прочел надпись на могиле местного священника, сделанную им самим незадолго до смерти на могильной плите — “увидимся позже” [5, 162]. Он продолжал смеяться в течение всего того воскресного дня, когда они ехали домой вместе с сыном. Однако, как подчеркивается в sequence, смерть можно не принимать, как это делал Том Иган, но ее нельзя отрицать, ибо она настигает каждого человека.

В IX стихотворении поэт через неделю после смерти отца сажает зеленый куст на его могиле, который должен увековечить память Томаса и напомнить о непрерывном круговороте жизни. Посадка растения, по мысли поэта, — это своеобразное воскрешение человека, который так легко и просто относился к смерти. Отец как будто и после смерти советует не воспринимать жизнь и смерть слишком трагически. И в IX стихотворении, бросая цветы на могилу отца, поэт своим мысленным взором видит, что нарциссы так и не достигли земли, и делает их символом вечной жизни и единства человека и природы.

В IV, одном из самых трагических стихотворений “Песни о моем отце” поэт местом действия опять делает палату интенсивной терапии в больнице:

*апрельские лучи высветили белизну
двух соседних пустых коек [1, 23]*

Читатель может ощутить контраст между апрельским весенним днем, когда оживает природа и светит солнце, но все это — где-то там, за окном палаты, а здесь — тишина, отделяющая отца и сына от мира. Две другие койки пусты, т. к. двое больных, видимо, ушли в мир иной и никогда не вернуться. Их кровати задернуты занавесками. В тишине этого апрельского утра отец и сын вспоминают прошлое:

*...и отец
вдруг заплакал
широкие плечи задрожали
от безмолвных рыданий [1, 23]*

Эти четыре строчки свидетельствуют о том, что было совершенно не характерно для Тома Игана: отец всегда казался сыну воплощением сдержанности и мужества. Использование глагола “to weep”, определяемого в словаре как “официальный” или “книжный”, вместо нейтрального “to cry” служит созданию желаемого эффекта необычности поступка отца. Лексика же всего стихотворения выдержана в нейтральных словах и выражениях и близка разговорной речи ирландцев. Обращение к отцу “my father” и “Daddie” в середине стихотворения свидетельствует о любви и нежности сына, у которого возникает желание защитить отца, смягчить его страдания, но т. к. боль вечной разлуки неизбежна и неотвратима, то поэт, спустя четыре месяца после смерти отца в 1985 г., пишет:

*сегодня в этот ветренный
и дождливый августовский день
я хочу простереть над тобой руки
прикрыть тебя щитом
я у которого нет щита и для себя [1, 23]*

Это стихотворение — яркое и впечатляющее проявление человечности Д. Игана, в котором, как и во всем *sequence*, провозглашается любовь как высшая ценность, а жизнь и смерть становятся основной темой.

Напомним, что в “Песне о моем отце” поэт привержен тому художественному почерку, который он выработал еще в начале своей творческой карьеры: отсутствие заглавных букв в начале фраз, отказ от общепринятой пунктуации, близость поэтического языка разговорному, способность с помощью нейтральной лексики и внутреннего ритма достичь большого эмоционального влияния на читателя, использование гэльских слов, а иногда и фраз, придающих национальный колорит его стихам.

Поразительно, как он умеет внести национальную окраску даже в очень небольшой по объему текст. Ярким примером в этом плане может служить стихотворение “Северо-Ирландский вопрос”:

*Две девчушки
играли в салки у автомобиля
и как вы думаете скольких графств
стоят их оторванные пальчики? [1, 111]*

У читателя сразу же возникает цепочка ассоциаций: “автомобиль — взрыв — жертвы”, а заглавие стихотворения говорит о месте происшедшего с маленькими девочками — Северной Ирландии. Д. Иган выделяет курсивом слова “wee girls” (в русском переводе “девчушки”), где “wee” означает “крошечный, маленький”, и именно возраст девочек еще больше подчеркивает трагизм обстоятельств и огромные сложности в решении Северо-Ирландской проблемы.

В своей последней книге стихов “Холм Аллена” (2001) Д. Иган имеет возможность затронуть еще одну важную проблему, волнующую ирландцев и в то же время актуальную для многих народов мира. Это — проблема экологии и защиты и сохранения памятных мест, связанных с историей и культурой той или иной страны. Поэт хочет привлечь внимание к Холму Аллена и прилегающего к нему района — реликвии, дорогой сердцу каждого любящего свою страну ирландца. По преданию, здесь родился и жил народный герой Ирландии богатырь Фионн и его воины. Этот холм находится между графством Килдар и столицей Ирландии Дублином, и множество людей, едущих по дороге, имеют возможность любоваться красивыми пейзажами и вспоминать историю и легендарные подвиги Фионна Маккумхейла и его храбрых солдат.

В настоящее время рядом с холмом начал работать завод по переработке камня, который добывают здесь же. Д. Иган возмущает существующее положение вещей, когда при молчаливом согласии населения графства Килдар разрушается памятник национальной культуры. Но он осознает, что волнующая его ситуация выходит за рамки Ирландии и превращается в общечеловеческую проблему. Он с сожалением отмечает, что, как и повсюду в мире, научно-технический прогресс часто приносит людям несчастья. Так, в одном из стихотворений *sequence* (а этот стихотворный сборник, как и “Песнь о моем отце”, написан в жанре *sequence*) он размышляет о цене прогресса и называет научно-техническую революцию не движением вперед, а отступлением:

*от того что собой представляет Ирландия
что собой представляет ее культура
что собой представляет ее душа
что собой представляем мы [7, 16]*

Д. Иган говорит и о легендах и преданиях о великом Фионне, об их значении для ирландского народа и, описывая Холм Аллена, надеется на то, что Аллен никогда не узнает о равнодушии людей к его судьбе.

В другом стихотворении поэту слышатся голоса предков, звучащих у подножья Холма: он пишет о том, какие сокровища духа он в себе таит, и полагает, что грядущие поколения не смогут простить современникам поэта их грех. И если будут по-прежнему добывать камень и наносить вред знаменитому холму, то никто не удивится его исчезновению. Но тогда случится непоправимое. Люди будут:

*сжигать книги и вместо них читать
комиксы и таблоиды и
презирать все истинно ирландское
...и жизнь закончится [7, 36]*

Поэт взывает о помощи к своим согражданам: пробудиться от “сна равнодушия”, прекратить вырубку многолетних деревьев и добычу камня, оставить Холм Аллена как древнюю достопримечательность Ирландии, сохранить его в память о Фионне и его воинах,

не продавать душу из-за хлеба [7, 44]

Возвращаясь, однако, к “Песни о моем отце”, отметим, что в одном из стихотворений сборника описывается посещение могилы Томаса Игана сыном вместе с матерью. Они кладут цветы на траву, и лепестки, “словно годы”, рассыпаются на кладбищенской плите.

Но во вспомогательном тексте этого стихотворения дается совсем иная картина. Поэт не плачет на могиле, как мать, ибо не верит в то, что отец — в могиле. Напротив, он думает, что душа отца — повсюду. В таком ощущении сына заключены возможности утешения в горе и примирения со смертью. Более того, тепло, смех, любовь всей семьи к Тому — не на кладбище. Эту

мысль продолжает “Эпитафия” — последнее стихотворение sequence:

*Том Иган не покоится здесь
не покоится здесь тепло рук
его смех полный жизни
тот привет что он слал мне от двери
через улицу и через годы
не покоится здесь и любовь
что прочнее гранита [1, 25]*

Воспевая вечную любовь, являющуюся, по словам Б. Аркина, “единственной реальностью в жизни” [3, 51], Д. Иган, интерпретируя вечные общечеловеческие проблемы жизни и смерти в цикле стихов, посвященных отцу, как справедливо полагает Х. Кеннер, остается “первым ирландским поэтом, отбросившим необходимость выглядеть ирландцем” [4, 202], т. к. он и является истинным настоящим ирландцем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иган Д. Избранное / Д. Иган. — Воронеж: Родная речь, 2000. — 115 с.
2. Попова М. К. Человек и мир в поэзии Д. Игана / М. К. Попова, А. Л. Савченко // Иган Д. Избранное. — Воронеж: Родная речь, 2000. — С. 3-9.
3. Arkins B. A Critical Study / B. Arkins. — Little Rock: Milestone Press, 1992.
4. Desmond Egan / [ed. by H. Kenner]. — Orono: Northern Lights, 1990.
5. Egan D. A Song for My Father / D. Egan // Egan D. Echobogen / Echo Arches. — Leuven: Schrijversakte, 1990.
7. Egan D. The Hill of Allen. / D. Egan. — Newbridge: The Goldsmith Press, 2001. — 44 p.

Рецензент — Л. Е. Кузнецова.